

М.С-Г. Албогачиева, З.У. Махмудова

ОДЕЖДА ИНГУШЕЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Достоинство, изящная простота и сдержанность — основные характерные черты традиционного ингушского костюма. Некоторая лаконичность создаваемого образа выделяет ингушский костюм на фоне сложных комплексов традиционной одежды других народов Кавказского региона, особенно восточной его части. Данная особенность сохраняется и в наши дни в костюме как городских, так и сельских жителей Ингушетии. В значительной степени это находит объяснение в основополагающих принципах традиционной ингушской этики «*ГалгIай эздел*».

Костюм — это своего рода зеркало, в котором отражаются во всех деталях традиционное мировоззрение народа, этикетные нормы, религиозные предписания, эстетические идеалы. Костюм всегда в той или иной степени связан с этапами социально-экономического, культурного, даже политического и общего идейно-мировоззренческого развития народа.

Значительные перемены в этих сферах так или иначе затрагивают бытование типов костюма. Они во многом определяют и общий вектор развития самого костюма, а порой и «границы возможного» в этом процессе.

Стоит, конечно, указать и на то, что перемены в костюме отнюдь не происходят синхронно со сдвигами в экономике, политике и идейной жизни социума. Связь эволюции костюма с изменениями условий жизни общества и общей социокультурной динамикой есть переплетение множества нитей, среди которых

главной, центральной является традиция, возраст которой измеряется веками. К этой нити — постепенно или быстро — как бы примыкают новшества, предложенные развитием социума или же привнесенные извне. Часть тех и других приживается, будучи принята большинством, а какая-то часть просто исчезает, не сумев «вплестись», «прикрепиться» к традиции.

Важно отметить, что приток тех или иных новшеств из внешнего мира был обусловлен особым географическим положением Ингушетии. Путешественники и торговцы, спешившие по делам военные и прибывшие служить государственным чиновники, приезжие ремесленники, да и вообще люди разных национальностей — все они могли оставить след на земле ингушей. Привезенные ими вещи, сами их наряды и поведение могли создать какой-то — пусть и мимолетный — новый образ или силуэт, которые, в свою очередь, могли дать импульс для новации в costume.

«Находясь в центральной части Северного Кавказа, у самого начала важнейшего торгового пути, издавна соединявшего Северный Кавказ с Закавказьем (нынешняя Военно-Грузинская дорога), располагая выходами в Чечню, Грузию, Северную Осетию и в степную часть Предкавказья, Ингушетия развивалась в тесных экономических и культурных взаимоотношениях со многими смежными областями, а через их посредство соприкасалась и с более отдаленными кавказскими и внекавказскими странами» [Семенов 1963: 148]. Это примечательное суждение авторитетного археолога убеждает нас в мысли о том, что традиции ингушского общества даже в одежде, видимо, не могли быть косной, застывшей массой обычаев и негласных правил, неизменным набором предметов и их назначений. Традиция создания и ношения одежды демонстрировала не только высокую «способность к самосохранению». Она неизбежно (хотя и не во всем) модифицировалась в соответствии с социальными переменами. Наконец, сама основа традиции постоянно находилась под воздействием внешних влияний, интегрируя полезное и отвечавшее «веяниям времени», но отвергая то, что явно противоречило религиозным, этическим и эстетическим воззрениям большин-

ства ингушей. Таким образом, эволюция костюма жителей Ингушетии дает весьма интересный пример социокультурной динамики, взаимодействия старого и нового, сложного взаимовлияния «народного духа» и тенденций моды, приносимых внешним миром.

Основы традиций создания и ношения костюма

Одежда ингушей в XVIII–XIX вв. в основном изготавливалась за счет местной сырьевой базы (шерсть, кожа, лен). В материалах известных письменных источников отсутствуют сведения об изготовлении шерстяных тканей, хотя такие данные имеются в материалах археологических раскопок. Е.И. Крупнов пишет, что многочисленные находки глиняных пряслиц свидетельствуют о том, что «из шерстяной ткани шились различные (в том числе нарядные) одежды, скреплявшиеся бронзовыми булавками, фибулами и застежками, из шерсти шились женские головные уборы, вязались чулки, даже широкие пояса и пуговицы и, наконец, делались всякие хозяйственные сумы и сумки» [Крупнов 1960: 329].

Праздничная одежда в то время шилась из привозных материалов (сафьяна, шелка, парчи, бархата и других тканей). Разумеется, такие ткани были дороги и далеко не всем доступны. Л.Л. Штедер отмечал, что к ингушам приходят купцы-армяне с различными товарами, однако «иностранные купцы их не посещают, потому что они бедны и у них нечего взять» [Stader 1796: 18, 44]. Д.А. Милютин уточняет, что местные жители покупают в Кизляре грубые бумажные ткани, пользующиеся большим спросом [Милютин 1832: 29].

Готовую одежду покупали редко, в основном ее шили женщины дома. Девочек старались обучить мастерству шитья и вышивания с раннего детства. Отнюдь не случайно и то, что в конце XIX — начале XX в. именно швейные машинки считались одним из самых роскошных и желанных подарков для многих ингушских женщин, вне зависимости от их социального поло-

жения. Даже женщины из состоятельных семей должны были владеть швейным искусством. Женщина, не умеющая хорошо шить, в народе попросту считалась «безрукой».

Мужская одежда

Традиционный мужской костюм ингушей имел много общих черт с костюмом других народов Северного Кавказа. Это объясняется тесными и длительными взаимными связями народов, сходными условиями жизни и обычными хозяйственными занятиями, характерной природной средой.

Л.П. Семенов, проводивший археологические исследования в горной Ингушетии, писал: «Старинное мужское одевание состоит из холщовой рубахи, холщовых штанов со вздержкой (иногда с кожаными штрипками), цветного шелкового халата, спускающегося ниже колен, с длинными рукавами (часто длиннее кистей рук) второго, более короткого, цветного стеганного халата с укороченными рукавами, опоясанного белым холщовым кушаком или узким ремнем с медным или железным набором. На голову надевалась чаще всего цветная стеганая шапка (иногда с кисточкой), реже — меховая с цветным верхом. Обувь составляли сафьяновые чупьяки (чаще красные, реже черные), иногда — башмаки или сапоги, подбитые железными скобками» [Семенов 1963: 51].

В XIX — начале XX в. мужская верхняя одежда состояла из рубашки (*коч*), штанов (*хачи*), бешмета (*гловтал*), черкески (*чокхи*), папахи (*кхакхан кий*), бурки (*ферта*), башлыка (*палчакх*).

Упоминание черкески, самой распространенной верхней мужской одежды на Кавказе, есть в работе Д.А. Милютин. Он отмечал, что одежда мужчин состоит из черкески с газырями, широких шаровар, шапки, ноговиц и чупьяков [Милютин 1832: 25–26]. Некоторые дополнительные сведения имеются в работе Н.Ф. Грабовского: «Одежда ингуша не представляет роскоши: мужчина обыкновенно носит ситцевую рубаху и бешмет, нанковые (хлопчатобумажные. — А.М.) штаны, черкеску из грубого самодельного сукна, кожаные или суконные ноговицы и чупьяки

и овчинную папаху» [Грабовский 1876: 38]. В известном «Словаре» Брокгауза и Ефрона отмечалось, что мужская одежда состоит из суконной черкески черной, серой или коричневой, ситцевого бешмета, суконных шаровар, суживающихся книзу, на ноги надевали чувяки из сыромятной кожи, а в горной местности — преимущественно башмаки на толстой подошве, на голову надевали шапку из бараньей шкуры [Брокгауз, Ефрон 1894: 60].

Специфическую, легко узнаваемую форму имел ингушский мужской головной убор — высокая, несколько расширяющаяся кверху папаха. Поверх папахи в ненастную погоду ингуши накидывали башлык (*палчакх*). У ингушей башлык имел небольшой капюшон, выкроенный под прямым углом.

Важным элементом одежды ингуша являлась бурка, которую носили зимой и летом, как отмечал Ю. Клапрот [Клапрот 2005: 55]. Бурка изготавливалась исключительно из овечьей шерсти, по форме напоминала усеченный конус и защищала всадника от любой непогоды. Легкая и теплая, она служила и подстилкой, и одеялом одновременно, была удобна при верховой езде, как писал О.В. Маргграф [Маргграф 1882: 20–21].

В этнографической литературе содержится информация о некоторых особенностях профессиональной одежды у ингушей. Например, автор, скрывающийся под инициалами Вл. К-нь, так описал одежду некоего охотника (*чархъе*): «Он надел чувяки с сафьяновыми ноговицами, поршни из сыромятной кожи, с плетеными ременными подошвами; в газыри насыпал порох, который затыкался круглою свинцовою пулею, обернутой в засаленную тряпочку; к поясу привесил старый кинжал и кисет из бычьего пузыря, наполненный махоркою; за плечи закинул мохнатую кожаную котомку с провизией, состоявшей из овечьего сыра и шести кукурузных лепешек; за пояс заткнул веревку со связкою стальных кошек и коротенькую трубку». Далее этот же автор описал одежду пастуха (*бежлу*): «Он одет в рубашку, штаны и камзол из грубой шерсти домашнего производства, поверх камзола одета бурка из еще более грубой шерсти, крепившаяся спереди с помощью самодельной деревянной спицы. На голову надевалась шапка из овчины, а на ноги надевались сыромятные

кожаные сапоги, набитые травой» [Вл. К-ль 1900: 3]. В других источниках описание подобных костюмов не выявлено.

В материалах Комиссии по изучению Нагорной полосы Терской области за 1909 г. имеется сообщение, что «косари косят или босиком, или же в чувьяках с подошвами из ременного переплета» [Нагорная полоса 1909]. Вероятнее всего, речь идет об обуви из сыромятной кожи с подошвой, сплетенной из ремней, которую носили пастухи и охотники, так как она не скользила на горных склонах и была удобной в носке.

Дополнения мужского костюма

Мужской костюм, особенно у состоятельных людей, долгое время имел некоторые функциональные компоненты, которые могли обладать и качествами украшений: пояс (*тIехкар*), газыри (*бустамаш*), часы (*сахъат*) и т.д.

Важным элементом мужского костюма ингуша являлся пояс. Е.Н. Студенецкая выделяет два типа мужских поясов: кожаные с металлическим набором и пояса из ткани или войлока [Студенецкая 1989: 94]. Во второй половине XIX — начале XX в. более всего были распространены пояса в виде узкого кожаного ремня. На одном конце пояс имел пряжку, в которую продевался другой конец пояса, снабженный металлическим наконечником. Пояс туго затягивался на талии, а длинный кончик ремня продевали в подвижную обоймочку. Пояса этой простейшей формы носили повседневно, они были доступны любому горцу. Праздничные пояса украшали многочисленными, часто серебряными, бляшками и подвесками разной формы. Носили пояс на черкеске, на бешмете (если черкеска не была надета), а иногда и на шубе. О длительности бытования этого элемента одежды свидетельствуют и материалы археологических раскопок: «Каждый покойник опоясан одним, а иногда и двумя кожаными поясами с железными или бронзовыми пряжками; тонкие пояса украшались серебряными и бронзовыми наконечниками и бляшками. На поясах обычно висят кисеты из кожи с огнивом, кресалом

и трутом. Среди обычных кресал находились и крупные, в виде уплощенных фибул» [Крупнов 1971: 94].

Наиболее распространенными были кожаные пояса и ремни с металлическими пряжками и накладками. Неподпоясанному мужчине неприлично было выйти на улицу, показаться старику или человеку, бывшему статусом выше его. Не носили пояса очень глубокие старики и мальчишки. И только во время траура мужчина мог ходить распоясанным [Гарсаев 2009: 34].

Функциональное назначение пояса было достаточно широким: «К поясу подвешивали различные предметы, необходимые мужчине в дороге, на охоте. Это были: сальница (или жирница) — прямоугольная металлическая коробочка с салом для смазывания оружия; отвертка сложной формы для разбора огнестрельного оружия, служившая иногда и кресалом; брусок для точки кинжала или ножа; пультница; кожаный походный стакан; мешочек, в котором лежали камень, трут, кресало и др. Пастух мог повесить на пояс мешочек с разной мелочью для лечения скота. Одним словом, пояс заменял карманы. Но самое главное — на поясе висело оружие: кинжал (или нож в деревянных полуножах), пистолет и иногда шашка» [Студенецкая 1989: 94–95].

Особо нужно отметить распространенность традиционного пояса с серебряным набором, который, помимо пряжки, наконечника и обоймочки, украшался накладными фигурными бляшками, гравировкой и позолотой по серебру. Богато украшенный пояс был престижной частью мужского гардероба, особенно молодежного, мог свидетельствовать о социальном и имущественном положении владельца.

Широкие матерчатые пояса носили старики, муллы, хаджи, а также мужчины, находящиеся в трауре. Ими могли подпоясать бешметы, но черкески — никогда. Сложенную в несколько раз материю (холст, шелк) скручивали жгутом, и получался пояс. Его оборачивали дважды вокруг талии и спускали спереди двумя концами. Войлочные пояса шириной 4–6 см повязывали во время косьбы [Гарсаев 2009: 37].

По мнению Е.Н. Студенецкой, особое отличие черкески от сходных по покрою кафтанов и т.п. видов одежды составляют

газыри, которые с конца XVIII в. стали нашивать на черкеску по обеим сторонам груди. Они изначально выполняли не столько декоративную, сколько практическую функцию. В узких длинных карманчиках хранились заряды для кремневых ружей и пистолетов. Заряды эти были в специальных емкостях, патронах, имеющих декоративные крышки, украшенные серебряным чеканным или литым навершием, часто с чернью [Тариева 1995: 76]. Газыри вставлялись в специальные кармашки (7–9 шт.) по обе стороны груди. Охватывая практически всю грудь, газыри выполняли и защитную функцию, прикрывая тело от рубящих ударов холодным оружием.

Об иных дополнениях мужского костюма или же об украшениях судить более чем сложно. В позднесредневековых погребениях Ингушетии обнаружены мужские кольца из бронзы, однако данные относительно существования подобных украшений в более поздний период очень скудны.

Со второй половины XIX в. в ингушском обществе предметом роскоши стали карманные часы. Они не только выполняли практическую функцию, но и использовались как дорогой престижный аксессуар. Длинная массивная цепочка даже придавала обладателям часов некий шарм. Их покупали на рынках ближайших городов. По мере расширения производства часов, а следовательно их удешевления и доступности, часы, главным образом серебряные, все активнее стали использоваться как вид подарка.

Именно карманные часы (как старинные, так и современной работы), а не наручные (на браслете) и сегодня имеют широкое бытование в ингушском обществе, преимущественно у старшего поколения мужчин.

Вооружение

Комплекс традиционной мужской одежды у ингушей дополняли оружие (*герз*) и воинские доспехи (*тIема кхоачам*). В материалах археологических раскопок Ф.И. Горепекиным было обнару-

жено вооружение ингуша, которое состояло из лука (*Иадсаькх*), двустороннего бронзового топора (*диг*), бронзовой булавы (*гезах яь берза чхьонкар*), дубины (*чхьонкар*), сделанной из боярышника, шашки (*тур*, которые назывались, возможно, по имени ингушских мастеров — (*терсмаил-тур,эльмарза-тур*) [Горепекин 1909].

Описывая предметы вооружения ингушей значительно более позднего периода, П.С. Паллас (в 1794 г.) отмечал, что оно состоит из ружья, сабли, копья, кинжала и щита. Причем только ингуши, как он считал, из всех народов Кавказа сохранили щит как часть вооружения [Паллас 1996: 73]. Однако с этим утверждением вряд ли можно полностью согласиться, так как щит использовался и живущими по соседству с ингушами хевсурами и тушинами. Более подробное описание типичного набора вооружения содержится в работе С. Броневского. Он пишет, что ингуши носят деревянные щиты, обтянутые кожей, с наружной стороны они скреплены железными обручами, а также короткий остроконечный железный дротик, который может при случае служить оборонительным оружием, но больше употребляется для меткой стрельбы из ружья вместо сошки [Броневский 1823: 161].

Женская одежда

Благодаря археологическим изысканиям мы имеем представление о средневековом костюме ингушских женщин. Так, Е.И. Крупнов, в частности, на материалах раскопок могильников с. Эгикал пишет, что женщины были одеты в длинные платья — рубахи с неглубоким разрезом на груди. Нижнее платье — с длинными рукавами из грубого белого холста. Верхнее (на некоторых женщинах) — из шелковой материи с короткими рукавами, окрашенными в красный, синий, зеленый и оранжевые цвета. Талию опоясывал кушак из шелка или холста, к которому привязывались железные ножницы, а также сумочки (например, из шелковой иранской ткани XIV–XV вв.) с шелковыми цветными нитками, иглами и наперстками, деревянным гребнем [Крупнов 1971: 94].

Кроме рубах и платьев, женщины имели шаровары из холста или тонкой шерстяной материи. Ноги были обуты в чувяки или сапожки на мягкой подошве из цветного сафьяна.

Большой интерес исследователей вызывает традиционный женский головной убор *кур-харс*, который встречался в ингушских захоронениях начиная с XVI в. Упоминания о нем встречаются и в донесениях русских послов XVII в., проходивших в Грузию через земли ингушей: «А ходят мужики по-черкасски, а жонки носят на головах что роги вверх в поларшина» [Полиевктов 1937: 251]. Впервые обнаружил этот головной убор в наземных склепах Л.П. Семенов, работавший в горной Ингушетии в 1925–1932 гг. Он дал его описание и выяснил старинное название головного убора — *кур-харс*. Сведения о нем содержатся и в работе Е.И. Крупнова, который прямо говорит о том, что «подобные женские головные уборы неизвестны в соседних районах и, очевидно, носились в недавнем прошлом только ингушскими женщинами» [Крупнов 1971: 102].

Позже в ходе археологических исследований 1970–1980-х годов в целом ряде некрополей в верховьях р. Ассы, в долине р. Арми и ее притоков, в труднодоступном ингушском обществе Цори, уже известном в Средневековье, была собрана целая коллекция кур-харсов, насчитывающая 40 образцов. Эту коллекцию изучали В.Б. Виноградов, Б.Б.-А. Абдулвахабова и Д.Ю. Чахкиев.

Кур-харсы чаще всего имели кожаную, реже войлочную основу, покрытую сукном. Встречались кур-харсы войлочные в основе, но отделанные богатыми тканями (шелком, атласом, парчой). В нижней части убора прикреплялся кусок ткани, который, по-видимому, прикрывал затылок. Сзади и с боков этой ткани прикреплялись широкие ленты. Узоры на лентах, украшавших кур-харсы, выполнялись часто золотым шитьем. Серебряная бляха на лобной части (которая, по мнению исследователей, символизировала солнце) была совершенно гладкая, реже имела фигурную форму. По предположению авторитетных исследователей, первоначально термин *кур-харс*, отражающий вайнахо-аланские исторические контакты, мог означать «гребень (или рог) Солнца».

Наличие среди кур-харсов как экземпляров, очень богато оформленных (дорогие привозные ткани, серебряные бляхи, золотое и серебряное шитье, дорогие украшения — осколки перламутра, янтарные бусы, веточки кораллов, раковины и пр.), так и откровенно бедных, покрытых сукном, почти «без излишеств», в какой-то степени отражает социальную стратификацию позднесредневекового ингушского общества.

Исследователи очень осторожны в поисках аналогий этого убора и не склонны прямо сближать его ни с головными уборами, обнаруженными в погребениях II–I тыс. до н.э. (могильники: Харачоевский в Чечне, Нестеровский в Ингушетии), ни с «рогатыми» головными уборами женщин соседних районов Дагестана, ни с фригийским колпаком античной эпохи [Виноградов, Абдулвахабова, Чахкиев 1985: 107–109]. По их мнению, можно только условно, с большими оговорками, ставить вопрос о возможном сходстве и связи кур-харсов и южно-русских кичек. Впрочем, полностью не стоит исключать возможность славянского влияния на формирование оригинального типа женского головного убора у предков ингушей, вступивших во взаимные контакты с Древней Русью до эпохи Золотой Орды.

«Славянский след» некоторые исследователи усматривают и в форме ингушских многолопастных височных подвесок позднего Средневековья, типологически очень близкой к известной форме радимических семилучевых и особенно вятических семилопастных колец [Даутова 1979: 159].

Вместе с тем ингушские подвески отличаются от височных колец вятичей оформлением граней серпообразной пластинки. Если у первых верхняя часть представляет собой мотив древа жизни и птиц, то у вторых верх украшен декоративным геометрическим узором. Нижняя грань кавказских подвесок окаймлена, как правило, восемью кругообразными выступами, славянские же кольца имеют семь лопастей [Мужухоев 1972: 271].

Е.И. Крупнов считал, что эти подвески (височные кольца) наряду с кур-харсом были своеобразным этническим маркером населения горной Ингушетии. Правда, Е.И. Крупнов, как известно, в исторической интерпретации ингушских височных колец

поддерживал позицию А.В. Арциховского и В.И. Сизова об их арабском происхождении. По его мнению, прототипы этих височных колец могли быть занесены из более южных областей Кавказа и связаны с арабской культурой, но уже в Средневековье их производство, по-видимому, было освоено ингушскими мастерами. Излюбленные орнаментальные узоры джераховцев, кистин, галкаевцев обязательно воспроизводились ювелирами на височных кольцах [Крупнов 1971: 10].

Как бы то ни было, очевидно, что перед нами чрезвычайно интересный комплекс вопросов, связанных не только с эволюцией костюма, но и в значительной степени с взаимодействием и взаимовлиянием культурных пластов Кавказского и прилегающих регионов.

Немаловажно отметить тот факт, что исследователи и путешественники не зафиксировали бытование кур-харса на территории Ингушетии уже во второй четверти XIX в. Возможно, сказалась общая для этого периода тенденция в развитии отдельных элементов традиционного костюма (особенно сложных женских головных уборов) народов Северного Кавказа, отмеченная еще Е.М. Шиллингом. Эта тенденция — движение в сторону общего упрощения и приведения основы, покроя к более удобной форме. В труднодоступных высокогорных районах соседнего Дагестана старинные головные уборы в XIX в. еще сохранялись. Однако позже «у ботлихцев исчезли неудобные набитые шерстью лобные подушки чухты, у арчинцев — тяжелые навески, закрывающие левую сторону лица, у багулалов и тиндалов — тяжелые височные кольца, у гидатлинцев — височные бляхи и т.д.» [Никольская, Шиллинг 1953: 26].

Причины, вызвавшие эти изменения, по-видимому, весьма многочисленны. Не разбирая каждую из них в отдельности, можно сказать, что древние сложные формы костюма (головные уборы и многое другое) просто принадлежали другой эпохе, которая постепенно уходила в прошлое вместе со своим социокультурным содержанием.

В XVIII — первой половине XIX в. основу повседневного женского костюма составляли платья — рубахи (*кочь*) и штаны

(*хачи*). Покрой платья был свободным, туникообразным. Рукава (*пхьош*) обычно были длинные и широкие, иногда они закрывали кисти. Платье шили из холста или бумажных тканей, а также из шелка, преимущественно темных цветов: синего, коричневого, темно-красного и черного. Ворот платья — вертикального разреза. У ворота рубаха застегивалась пуговицей (*чопилг*), часто серебряной. Платье-рубаху носили обычно без пояса, иногда подвязывая ее полоской кожи или шнурком.

Женские штаны шили из холста или более нарядных тканей, чаще всего красного цвета. Штаны надевались всегда под рубаху, непосредственно на тело.

По сведениям Ю. Клапрота, у ингушских женщин «платье в области плеч и груди на ширину почти в пять пальцев расшито различным цветным шелком, шерстяной тканью или нитками. Они носят еще верхнюю юбку, доходящую до икр ног, которая держится благодаря поясу. Под платье надевают длинные штаны, благодаря которым различают статус женщин, так как замужние носят штаны красного цвета, вдовы и старые женщины — голубого, а девушки — белые; все они в том месте, где касаются лодыжек, великолепно пестро прошиты и обшиты черной каймой. Зимой все женщины ходят в сапогах, а летом — босиком [Клапрот 2005: 55].

Женщины носили и бешмет (*гловтал*). Для холодного времени года бешметы шили из плотных шерстяных тканей, утепляя их шерстью или ватой, которые затем простегивали, создавая симметричные узоры или орнаменты. «Верхняя часть его была сшита по фигуре, со скошенными бортами, открытой грудью, без воротника, с застежкой на поясе. Нижняя часть, отрезная по талии, спереди лежала гладко, а на спине пришивалась в сборку. Рукава длиной до кисти (изредка и короче), с небольшим разрезом книзу, обшивались галуном. Бешметы шили и короче рубахи или вровень с ней» [Чяхкиев, Абдулвахабова 1992: 9].

Овчинные полушубки, по мнению Б.А. Калоева, были наиболее характерной ингушской женской зимней одеждой. Однако девушки, согласно обычаю, полушубков не надевали, заменяя их теплыми платками [Калоев 1960: 383].

Ю. Клапрот с явной симпатией к женщинам-ингушкам отмечает, что они «маленькие, сильные и довольно хорошенькие. Молоденькие девушки в расцвете лет имеют веселый нрав, они предупредительны, резвы. Волосы у них подстрижены таким образом, что закрывают половину лба, остальную часть волос они заплетают в косы, которые ниспадают на спину и на плечи. Чтобы волосы блестели, они тщательно за ними ухаживают. Прическа замужних женщин иная: они делят волосы на две части — хвосты, и каждый хвост обвивается лентой или полоской шелковой, шерстяной или хлопковой ткани, затем эти хвосты толщиной в палец накручивают на голову, закрепляя краями лент. Также женщины носят серьги — длинные, массивные, выполенные из меди, латуни или стекла. И, наконец, они украшают голову убором в виде чепца-колпака на черкесский манер, который им очень идет, а кусок белой ткани спадает вдоль спины, покрывая волосы» [Клапрот 2005: 55].

В этот период в качестве головного убора ингушские женщины использовали платки (*йовлакх*) и шали (*кортали*). Предпочтительным цветом девичьей шали или платка был белый. Для замужних женщин обязательным элементом головного убора была чухта (*чIаба*), поверх которой повязывали платок или шаль. Цвет чухты чаще всего был черным, но не обязательно. Женщины старались подбирать цвет таким образом, чтобы он гармонировал с общей цветовой гаммой костюма. Те части чухты, которые были видны из под платка, часто украшались вышивкой.

Традиционный **праздничный женский костюм** ингушки (*йодача-йоагIача дувхар*) — сложный и изящный наряд. Поверх натальной рубахи надевали доходящее до щиколоток платье с воротником со стойкой, обязательно красочно украшенной вышивкой, тесьмой, кружевом; с узкими длинными рукавами без пуговиц или с пуговицами. Шилось это платье в зависимости от возможностей семьи из шелка, сатина, ситца светлых тонов. Поверх платья надевали нагрудник (*дато*) — ювелирное украшение из симметрично расположенных пластинок на серебряной или оловянной основе, различной формы, украшенное камнями или цветным стеклом, гравировкой или накладной филигранью. Это

украшение имело 12–13 симметрично расположенных пластинчатых застежек, располагавшихся от шеи до талии. Застежки или (позже, со второй половины XIX в.) их имитации делали различной длины, сообразно с формой выреза платья, под которое надевали нагрудник.

Далее надевали распашное праздничное платье (*чокхи*) из шелка, парчи, репса, бархата. Спереди оно было полностью раскрыто и застегивалось в талии на два-три крючка. Ложные рукава распашного платья, узкие до локтей, имели продолжение в виде длинных лопастей. Ворот, передние полочки, подол и ложные рукава вокруг обшивали кружевом, тесьмой, вышивкой или мехом.

На верхнее платье надевали пояс (*мIехкаp*), который, как правило, входил в комплект с нагрудником.

На руки надевались перчатки по локоть, сшитые из той же светлой ткани, что и второе платье, или связанные из шелковых ниток, а в руки бралась сумочка из той ткани, на которой крепился нагрудник. Свадебный наряд дарился молодой снохой незамужней старшей золовке [Тариева 1999: 302].

Частью свадебного костюма служили шапочки (*кий*) в форме усеченного конуса с плоским дном, обтянутые красным бархатом. И околыш, и донышко украшались золотым шитьем гладью, а изредка вприкреп.

«Орнамент изящных вышивок золотом и серебром по бархату и цветных войлочных ковров, мастерски выделяемых ингушскими женщинами, — писал Л.П. Семенов, — элементы ингушской тамги часто восходят к мотивам вышивок на изделиях из надземных склепов, к старинной художественной резьбе по дереву, <...> а также к узорам древних бронзовых изделий» [Семенов 1963: 147].

Издrevле считалось, что в день свадьбы невесту могут сглазить, поэтому ее сверху накрывали большим белым покрывалом из плотной ткани, чтобы наглухо закрыть лицо. Когда невесту вводили в дом, покрывало с нее снимали. В ингушской традиции под эту непрозрачную ткань надевали тонкую вуаль. Верхний край ее должен был прикрывать лицо новобрачной, и только гости имели право поднимать вуаль и смотреть на невесту.

Вторая половина XIX в. была отмечена более мощным приливом новаций, затронувших бытование костюма и его общий вид. Из Центральной России на Кавказ стали поступать промышленные товары, среди них разнообразные ткани: холст, бязь, ситцы, сукно, полотно. Из Ирана поставлялись предметы роскоши, в частности дорогие ткани (бархат, шелк, атлас), сафьян для пошива парадной обуви, а также драгоценные камни.

В «Записках Терского общества любителей казачьей старины» сообщалось, что огромное влияние на уровень развития горцев имеют постоянные сношения с плоскостью и городами, в которых они сбывают местные товары и продукты и где приобретают предметы более высокой культуры [Записки 1910].

Большое влияние на внешний облик мужчин и женщин оказал город Владикавказ, откуда в прилегающие районы проникали новые формы одежды, украшения, что приводило к более заметному изменению костюма горских народов. О таком влиянии сообщал корреспондент газеты «Терские ведомости» в своей статье, посвященной празднику в Базоркино: «Традиционный костюм туземной девушки начинает, по-видимому, делать некоторые уступки цивилизации: легкие национальные чувяки в праздничном наряде почти уже вытеснены европейскими ботинками; на руках у некоторых девушек мы заметили лайковые перчатки, а кокетливая прическа одной из них, с искусственно завитыми локонами над самыми бровями, обнаруживала знакомство с щипцами и папильотками» [Очевидец 1897].

В конце XIX — начале XX в. часть элиты ингушского общества по своему социальному положению и правовому статусу оказалась близка к российскому дворянству. Государственная служба предполагала проживание за пределами Ингушетии, зачастую в крупных городах. Восприятие этой частью ингушей моды и обычаев ношения городской одежды было вполне предсказуемым и понятным явлением. На фотографиях этого периода мы можем видеть ингушских женщин в платьях, соответствующих тогдашним модным тенденциям, туго затянутых в корсет, в шляпах с вуалью и пр.

Украшения

Очень важно отметить, что украшения (прежде всего женские) на Кавказе выполняли множество функций. Они были не только украшением как таковым, т.е. нарядно дополняющим костюм. Женские украшения одновременно служили явными символами достатка, порой своеобразными оберегами. Тщательно скомпонованный комплекс украшений играл заметную роль практически на всех этапах традиционного свадебного цикла.

Украшения ингушских женщин совершили длительную историческую эволюцию как неотъемлемая часть народного костюма. Археологи приводят следующие данные относительно украшений костюма ингушек: серебряные, золотые и медные серьги и височные подвески; золотые, серебряные и медные кольца, бляхи для головных уборов (кур-харс), пуговицы-бубенчики, фигурные подвески, бронзовые нашивки, кольца и перстни с глазками из цветного стекла. Из шейных украшений часто встречаются нитки самых разнообразных бус — из стекла, цветной пасты, сердолика и, реже, янтаря.

В XIX — начале XX в. в costume ингушек сохранялись как нашивные, так и отдельно надеваемые украшения. В известной мере украшением можно считать и мелкие круглые серебряные пуговицы, пришивавшиеся на платье.

Из нашивных украшений прежде всего следует указать на нагрудные застёжки, пришивавшиеся на платье, а позднее на нагрудник. Собственно говоря, в этот период они были лишь имитацией застёжек — просто украшением костюма.

Серебряные пояса бытовали у всех народов Северного Кавказа. Однако, по справедливому замечанию Е.Н. Студенецкой, «они весьма трудны для этнографического изучения и менее всего могут считаться показателем национального своеобразия» [Студенецкая 1989: 183]. Изготавливались пояса мастерами-ювелирами (часто кубачинцами, лакцами, армянами) и, конечно, как ценный и нужный предмет могли быть проданы человеку любой национальности.

Специфических, национальных форм колец исследователями пока не выявлено. В начале XX в. бытовали уже почти исключительно кольца европейских форм, купленные в магазинах [Студенецкая 1989: 206]. Более того, состоятельные семьи старались приобретать ювелирные украшения фабричного производства (из Центральной России или Европы), следуя тенденциям моды и желая произвести впечатление на окружающих именно благодаря необычной, а точнее — нетрадиционной форме этих украшений.

Из явно европейских шейных украшений у богатых женщин ингушек можно было встретить медальоны на цепочке. Роль медальонов играли и дамские часы, которые в это время носили на шею. Крышка часов была обычно орнаментирована.

Эволюция традиционного костюма в XX — начале XXI в.

«Традиционный костюм» — понятие в значительной степени условное, которое (применительно к регионам нашей страны) чаще всего употребляют в отношении костюма XIX в. Конечно, тогда он был не столь подвержен внешним влияниям, как в последующее время. Поэтому изменения в крое, системе украшений и пр. происходили медленно, но, как показывает пример Ингушетии, это не означает, что их не было вовсе.

В XX в. такие изменения стали происходить сравнительно быстрее. Во многом это объясняется тем, что все более заметная часть населения страны была в той или иной степени включена, как говорят современные социологи, в «модный процесс», т.е. затронута колебаниями обычаев ношения одежды, приходом новых стилей, востребованных образов, силуэтов, да и просто ширившейся популярностью тех или иных предметов одежды. Изменения в традиционном костюме практически всегда начинались со смены материала и лишь затем касались конструкции и декора платья.

Так, если в XVII — начале XIX в. одежду шили главным образом из домотканых материалов, то со второй половины XIX в. женские платья стали шить из легких, дешевых, а потому доступных широким массам русских фабричных материй. Поэтому, в известном смысле, тот костюм, который был описан исследователями в начале XX в. и который мы считаем «традиционным» для Ингушетии, уже претерпел некоторые изменения вследствие расширения рынка фабричных тканей, элементов отделки, испытал иные влияния.

Судя по данным источников, в 1920-е годы в Ингушетии традиционный костюм все более и более «сдавал позиции». Любопытно, что изменения затронули в большей степени женский костюм.

Н.Ф. Яковлев писал о том, что в этот период в ингушских селениях на плоскости часто можно было встретить женщин в одежде, «напоминающей так называемую “городскую одежду” нашей деревни с шалью или платочком на голове и открытым лицом» [Яковлев 1925: 10]. Г.К. Мартиросян также отмечал, что ингушский женский костюм с развитием экономических связей с Владикавказом ничем уже не отличается от костюма городских женщин — бедных или же со средним достатком. «Женщин, одетых в кофточки и платья городского типа из ситца и других недорогих мануфактурных материалов, экспедиция встречала и в ближайших к Владикавказу селениях, и в самых отдаленных от него аулах (Цори, Гули)» [Мартиросян 1928: 61]. При этом обычай повязывать голову белым бязевым или ситцевым платком все же сохранялся.

Мужчины в этом смысле были более консервативны. Они, как и раньше, носили бешмет, черкеску из темного сукна с «кабардинкой» (низкой, отороченной барашком шапочкой) или папай, штаны, черные кожаные «чувыки» и кожаные ноговицы. По замечанию Н.Ф. Яковлева, костюм ингуша был по-прежнему скромн, отличался отсутствием украшений. Только на ремennom поясе висел кинжал в простых черных ножнах, а иногда и «маузер» [Яковлев 1925: 10]. Вместе с тем можно было встретить и мужчин «в верхних рубашках из ситца и в брюках из материалов, купленных в городе» [Мартиросян 1928: 61].

В 1920–1930 годах бешмет (особенно у молодежи) стала вытеснять так называемая «кавказская рубаха». Покрой таких рубаш представлял собой сочетание черт бешмета (высокий стоячий воротник, разрез посередине в верхней части груди, застегивающийся на мелкие пуговицы и петельки из шнура) и рубахи. Ее носили с брюками-галифе. Этот комплект был удобен для всадника и хорошо сочетался с сапогами и ноговицами, поэтому на Кавказе он быстро приобрел широкую популярность [Студенецкая 1989: 233]. До сих пор в Ингушетии некоторые представители старшего поколения сохраняют приверженность именно этому типу костюма.

Великая Отечественная война и депортация радикально повлияли на развитие костюма ингушей. Многие вещи (семейные реликвии, ювелирные украшения, старинное холодное и огнестрельное оружие и пр.), бережно передававшиеся из поколения в поколение, были утрачены. Вместе с тем на новых местах обитания ингуши познакомились с модными тогда силуэтами, ставшими впоследствии частью их обновленного образа. Так, (по рассказам информантов), большое впечатление на ингушек произвела элегантная одежда немецких женщин в Казахстане (также из числа ссыльных). От них ингушки восприняли своего рода «моду» на строгий костюм, состоящий из блузки, юбки прямого покроя и жакета.

Впрочем, на эволюцию костюма оказали влияние и иные, весьма мощные факторы. Главным источником привнесения новых элементов в одежду не только ингушей, но и большинства народов СССР был аморфный универсализм урбанистического типа. Этим словосочетанием можно обозначить набор одежды (а также некоторых предметов обихода) условного «среднего горожанина» советской эпохи. Локальные (этнические) особенности костюма, конечно, сохранялись, но проявлялись они главным образом в деталях, разнообразии женских головных уборов, особенностях цветовой гаммы и украшений костюма и пр. [Махмудова 2013: 156–157].

Ингуши вместо папах стали носить шляпы «городского» фасона летом и норковые шапки в холодное время года. Папаха

и в советское время, и сегодня остается вполне востребованным элементом мужского костюма. Однако в последние десятилетия ношение именно папахи приобрело несколько иное значение — стало для мужчин своеобразным символом «зрелости», умудренности жизненным опытом. В современном ингушском обществе носить ее могут позволить себе только мужчины, перешагнувшие условный «средний возраст».

В советское время и в женском костюме постепенно среди необходимых, «базовых» вещей «прижились» совершенно новые элементы гардероба. Они, впрочем, не нарушали общей архитектуры костюма и довольно органично вплетались во внешний образ ингушской женщины, а иногда становились его неотъемлемой частью. Более того, использование этих новых предметов (неведомых, скажем, в XIX в.) стало даже восприниматься как необходимость, продиктованная именно традиционным этикетом. Известно, что и в Ингушетии, и в других районах Северного Кавказа вплоть до недавнего времени считалось неприличным для женщин среднего и старшего возраста появляться «на людях» без тонких капроновых чулок даже в жаркую погоду. Любопытно, что сегодня, говоря об этой традиции, ингушки приводят в качестве аналогии возникший на Западе так называемый «офисный стиль» одежды, в соответствии с которым чулки являются обязательным элементом женского костюма.

В эту группу стоит включить также дамские сумки и наручные часы, получившие широкое распространение уже не как мода, а скорее как необходимость, в 1960–1970-е годы. С уверенностью можно сюда же добавить такие существенные предметы, как элегантное нижнее белье, французские духи, декоративная косметика, красивые туфли на высоких каблуках, которые на Северном Кавказе начали носить (главным образом молодые женщины) только в 1960-е годы.

Иными словами, ингушский костюм в той или иной степени испытал развитие того процесса, который можно назвать социокультурным замещением основных элементов традиционного костюма новыми, современными. Наиболее ярко этот процесс проявился на Кавказе (в том числе и в Ингушетии) в повсемест-

ном переходе от ношения традиционных серебряных украшений женского костюма к золотым изделиям с драгоценными камнями.

Традиция носить золотые украшения с драгоценными камнями (которые сегодня являются — без преувеличения — просто неотъемлемой частью образа кавказской, в том числе и ингушской, женщины) сложилась именно в XX в., а точнее в 1960–1970-е годы. Очевидно, что такой поворот имел прямое отношение к более масштабному процессу вытеснения традиционного костюма. Процесс этот начался заметно ранее, шел относительно медленно на протяжении всей первой половины XX в. А вот когда оказался затронут такой важный элемент костюма, как традиционные украшения, итоги перемен стали более ярко проглядывать и во всем другом.

Нашивные украшения, разумеется, вышли из употребления в первую очередь. Изменения коснулись и тех групп украшений, которые надевались отдельно. Они были «привязаны» к традиционному костюму, поэтому плохо сочетались с новыми модными силуэтами, девушки надевали их все реже, а потом и вовсе перестали носить.

Постепенное замещение традиционных серебряных украшений золотыми в свадебном дарообмене воспринималось обществом как вполне естественный процесс, не вызывающий прямого столкновения традиций и новаций. Очевидно, что сохранению «обрядового алгоритма» не мешало изменение внешних свойств и качеств тех атрибутов, которые его сопровождали — прежде всего потому, что неизменной оставалась их социокультурная функция. При этом свадебным подарком могли быть все же не любые золотые ювелирные украшения, а преимущественно те из них, которые ценились на Кавказе и были частью именно региональной моды. В качестве примера укажем на гарнитур «малинка». Форма «малинка» (собранная из одинаковых по размеру бриллиантов, а также серьги и кольца с акцентом на более крупный центральный камень с обводкой из более мелких) не является оригинальным произведением советских ювелиров. Это скорее копия со старинных изделий, ювелирная классика. Это одна из наиболее эффектных (если не самая эф-

фектная) и дорогих моделей, представленных на советском ювелирном рынке. В 1980–1990-е годы этот набор пользовался в Ингушетии исключительной популярностью в качестве свадебного подарка невесте. Его всеми путями старались достать, в том числе и у перекупщиков [Махмудова 2011: 109].

В отличие от женщин, мужчины в последнее время, как правило, золотых украшений не носят. Демонстрация обладания дорогим золотым аксессуаром как символом социального статуса, достатка и успеха владельца — явление отнюдь не новое, хорошо известное. На Кавказе в последней трети XX в. это наблюдалось повсюду, не исключая и Ингушетию. Более того, в начале 1990-х годов регион затронула и особая тенденция носить массивные золотые часы, перстни, цепочки и пр. Однако она довольно быстро прошла. В этом важнейшую роль сыграл другой тренд, набирающий силу в республике, — становление того, что можно условно обозначить мусульманской модой. Согласно предписаниям ислама мужчинам не рекомендуется носить золото и шелк [Кардави 2004: 85]. Поэтому ингуши часто отдают предпочтение хорошим, дорогим часам, но с подчеркнuto «незолотым», стальным или титановым корпусом. Некоторые мужчины носят серебряные перстни (на правой руке).

Сегодня в Кавказском регионе, особенно в среде мусульманского населения, наблюдаются попытки своеобразного «возрождения традиций», в чем-то даже искусственного привнесения элементов традиционности в одежду людей.

Не случайно Муфтиятом Республики Ингушетия и старейшинами в 2005 г. были разработаны правила проведения свадеб, в которых отмечено пожелание видеть невест в «национальном свадебном наряде» или в платье, по покрою близкому к нему [Архив Муфтията 2005]. Справедливости ради надо сказать, что это решение не является каким-то «искусственным». В Ингушетии и в советское время подобные свадебные наряды бытовали достаточно широко. Сегодня существуют салоны, специализирующиеся на пошиве именно старинных свадебных костюмов, но с учетом современных тенденций моды. Правда, даже платья в целом «европейского» вида и покроя все же должны быть

изготовлены, сшиты разумно, с вниманием к национальным особенностям. Ясно, что для ингушской невесты совершенно неприемлемы открытые наряды, с глубоким декольте, без рукавов, с глубокими разрезами юбок и пр. Свадебные салоны в Ингушетии предлагают и мужские традиционные костюмы (черкески), однако они не столь востребованы у молодых людей. Чаще всего (даже если на невесте платье традиционного покроя) жених одет в классический костюм темного цвета и белую рубашку. Галстук, как правило, не надевают, считая, что он придает излишне официальный тон общему облику и не соответствует атмосфере праздника [Албогачиева 2008].

В советское время (т.е. в период прокламированного официального атеизма) ношение одежды, подчеркивающей религиозную принадлежность человека, конечно, не поощрялось. Из-за преследования со стороны местных властей одежда для мюридов была более характерна для старшего поколения и почти совершенно отсутствовала у молодежи. Кардинальные перемены начали происходить в обществе с 1990-х годов. Все чаще одежду мюрида можно было увидеть на молодых людях. Открытие медресе и начало преподавания основ ислама в школе на факультативных занятиях (2002 г.) привели к массовому изменению внешнего облика местного населения. В Ингушетии появились магазины, специализирующиеся на продаже «мусульманской одежды».

«Костюм мюрида» (*мурдий бацкъаш*) представляет собой современную модификацию кавказской рубахи в сочетании с брюками классического покроя. Рубаха носится навыпуск и имеет длину, достаточную для того, чтобы в мечети человек чувствовал себя комфортно (т.е. чтобы во время молитвы не обнажалась поясница). Рубаха с воротником-стойкой может быть распашной или иметь глубокий разрез на груди, застегивающийся на пуговицы. Длинные рукава, как правило, имеют широкие манжеты. Эти костюмы продаются в магазинах, но чаще шьются на заказ, в их оформлении используется фурнитура ручной работы, что определяет их достаточно высокую стоимость. Такие костюмы могут быть сшиты из легких (льняных или хлопчатобумажных) тканей или из более плотных, например вельвета. Поверх

такого костюма в прохладную погоду надевают, как правило, жилетку. Зимой уместно надеть теплую куртку либо пальто.

В настоящее время «костюм мюрида» однозначно воспринимается как близкая к традиционной форма одежды и одновременно как одежда «мусульманская». «Костюм мюрида» часто надевают, когда собираются в мечеть, он популярен и в качестве праздничной одежды. Кроме того, сегодня указанный костюм в сочетании с традиционной папайхой или просто тубетейкой (*беттиг*) — это одежда имамов в Ингушетии.

Если до конца 1990-х годов не было женщин, одетых в хиджабы, то теперь их можно часто увидеть на улицах сел и городов Ингушетии.

Однако, как показывают наблюдения и беседы с молодыми женщинами (мусульманками), считающими себя глубоко верующими, их отношение к хиджабу вовсе не однозначное. Нередко приходилось слышать высказывания о том, что отнюдь «не хиджаб делает девушку истинной мусульманкой». Более того, высказывалось мнение о том, что девушки, носящие хиджаб, всего лишь хотят демонстративно подчеркнуть свою якобы особую приверженность исламу. В этом контексте хочется отметить, что значительная часть ингушских женщин разделяет мнение Г.Р. Балтановой: «Для многих женщин головной убор в любой его форме является доказательством и демонстрацией их религиозности, для других, не менее убежденных мусульманок, одежда и внешний вид не имеют никакого значения, религия является их частным делом, состоянием души и не должна никаким образом выставляться на показ» [Балтанова 2005: 268].

Рассуждать относительно вектора эволюции костюма в Ингушетии — в целом не очень благодарная задача. Можно, однако, поставить вопрос о том, насколько устойчивыми окажутся отмеченные выше тенденции. На этот вопрос ответит только время. Очевидно, впрочем, одно: на протяжении последних двух столетий даже грандиозные социальные и политические перемены в жизни ингушского общества, сложные и драматические повороты истории не привели к утрате народной традиции в костюме. Традиция в оформлении костюма, имеющая глубо-

кие, вековые корни, в том или ином виде присутствует в жизни современного ингушского общества. Она и в новом тысячелетии не только сохраняется, но и динамично модифицируется соответственно запросам населения и отвечает на влияние все более широко открытого внешнего мира.

Список сокращений

РО РГБ — отдел reproграфии Российской государственной библиотеки

ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах

СЭ — Советская этнография

ТВ — Терские ведомости

ЭО — Этнографическое обозрение

Библиография

Албогачиева М.С.-Г. Свадебный костюм ингушки: традиция и мода // Материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. «Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии. СПб., 2008.

Архив Муфтията Республики Ингушетия. 2005.

Балтанова Г.Р. Мусульманка. М., 2007.

Брокгауз Ф., Ефрон Э. Энциклопедический словарь. СПб., 1984. Т. XIII.

Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823.

Виноградов В.Б., Абдулвахабова Б.Б.-А., Чажкиев Д.Ю. «Солнечный гребень» ингушских женщин (о парадном головном уборе кур-харс) // СЭ. 1985. № 3.

Гарсаев Л.М., Шаипова Т.С., Мужские пояса и оружие чеченцев и ингушей конца XIX — начала XX в. // Журнал «Нана». 2009. № 5.

Горепекин Ф.И. «Мага-ерда» (языческий бог — покровитель у ингушей) // ТВ. 1909. № 81.

Грабовский Н.Ф. Ингуши. (Их жизнь и обычаи) // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. IX.

Даутова Р.А. О генезисе и этнокультурной интерпретации некоторых типов серег и височных подвесок XIII–XVIII веков горной Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.

Записки Терского общества любителей казачьей старины по поводу запроса наместнику Кавказа // ТВ. 1910. № 278.

К-нь Вл. Под Казбеком // Кавказский вестник. Тифлис, 1900. № 10.

Калоев Б.А. Ингуши // Народы Кавказа. М., 1960. Т. I.

- Кардави Ш.Ю.* Дозволенное и запретное в исламе. М., 2004.
- Клапрот Ю.* Путешествие на Кавказ и в Грузию, предпринятое в 1807 и 1808 годах // Архивный вестник. Назрань, 2005. Вып. II.
- Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971.
- Маргграф О.В.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882.
- Мартirosян Г.К.* Нагорная Ингушетия. Владикавказ, 1928.
- Махмудова З.У.* Серебро и золото в женских ювелирных украшениях на Кавказе во второй половине XX века: проблема социокультурного замещения // ЭО. 2011. № 4.
- Махмудова З.У.* Урбанистический универсализм и этнические традиции в женском костюме народов Дагестана во второй половине XX — начале XXI в. // ЭО. 2013. № 1.
- Милютин Д.А.* Заметки о племенах кавказских (Чечня, 1832) // РО РГБ. Ф. 169. К. 81. Ед. 7. Л. 29.
- Мужухоев М.Б.* Об одной категории позднесредневековых украшений ингушей // СА. 1970. № 4.
- Нагорная полоса Терской области // ТВ. 1909. № 280.
- Никольская З.А., Шиллинг Е.М.* Женская народная одежда аварцев // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1953. Т. XVIII.
- Очевидец.* Народный праздник в селении Базоркинском // ТВ. 1897. № 47.
- Паллас П.С.* Путешествие по южным провинциям Российской империи в 1793–1794 гг. // Аталиков В.М. Наша старина. Нальчик, 1996.
- Полиевктов М.* Материалы по истории русско-грузинских взаимоотношений (1615–1640 гг.). Тбилиси, 1937.
- Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1924–1932 годах. Грозный, 1963.
- Студенецкая Е.Н.* Одежда народов Северного Кавказа (XVIII–XX вв.) М., 1989.
- Тариева Л.У.* Этнолингвистические аспекты изучения структуры отраслевого словаря. На материале лексики швейного дела ингушского языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
- Чакхиев Д.Ю., Абдулвахабова Б.Б.* Традиционная одежда чеченцев и ингушей. Грозный, 1992.
- Яковлев Н.Ф.* Ингуши. М.; Л. 1925.
- [*Städer*] Tagebuch einer Reise, die im Jahr 1781 von der Grenzfestung Mozdok nach dem inner Caucasus unternommen worden // Neue Nordische Beyträge. 1796. Bd. 7. (Отд. изд.: St. Petersburg, 1797).